

Магжан ЖУМАБАЕВ

СВЕЧА

В УРАГАННОЙ ПОЧВЕ

125/11

г. Петропавловск, 1993 г.

М. ЖУМАБАЕВ

СВЕЧА В УРАГАННОЙ НОЧИ

Жизнь и творчество М. Жумабасва

Областной комитет по культуре
г. Петропавловск
1993 г.

24 51003
мс 71

*Редактор-составитель, автор вступительного слова и
предисловий к разделам — член Союза писателей
Казахстана Владимир Шестериков.*

*Иллюстрации и оформление художника
Василия МАНЗИ*

52371

09

9 12021

«...И ЦЕЛЫЙ МИР ЗАВОРОЖИТЬ»

Его называли киргизским (казахским) Пушкиным, сравнивали с Байроном и Шекспиром, говорили, что внешне он чем-то даже похож на Сергея Есенина — то ли волнами вьющихся волос, только не русских, а черных, как смоль, то ли открытой, как североказахстанская степь, и распахнутой навстречу самой жизни искренностью в глазах, только не синих и озорных, а темных, как степная ночь, и кажется, чуть подернутых дымкой печали, что по утрам таяла над войлоком юрт его родного аула. То ли по-есенински пронзительными до слез, полными глубочайшего лиризма стихами, музыка которых понятна душе.

И все-таки как бы ни называли, с кем бы ни сравнивали Магжана Жумабаева, он был и остается самим собой, самобытным казахским поэтом, по неповторимости таланта сравнимым со звездами первой величины в поэзии Востока, занимающей подобающее место в мировой литературе.

Истинно национального поэта, каким был и остается Магжан Жумабаев, вряд ли есть смысл сравнивать с кем-либо, ибо его талант уникален по своей природе и сути. Эту мысль очень точно выразил классик казахской литературы Мухтар Ауэзов:

«Из казахских писателей, я, конечно, люблю Абая... После него люблю Магжана... Его поэтическая индивидуальность настолько уникальна, что он перерастает рамки своей эпохи. Из числа всех нынешних писателей только слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений. Я не уверен и очень сомневаюсь в том, что сказанное каждым из нас, кроме него, останется в литературе...»

И еще одна характеристика поэта, данная ему Жусупбеком Аймаутовым:

«Магжан силен чеканностью, образованностью и выразительностью слога. Слова в его стихах, подобно жемчужинам, нанизанным на шелковую нить. Стихам его присущи нежность, порою, печально-горестная тональность. Подобного поэта, как Магжана, с его теплым, мягким, зефирным звучанием слога, не встретишь среди современных казахских поэтов. Он умеет извлекать чарующие звуки из сердца кобыза...»

Что же способствовало своеобразию и неповторимости Магжана Жумабаева, каким ключом открывается волшебный мир его поэзии?

В его творчестве соединились, по верному определению доктора филологических наук М. Базирбаева, («Казахстанская правда», 1 февраля 1989 г.) два потока культур — восточной и европейской.

Не случайно, исследователь, подчеркивая самобытность и неподражаемую оригинальность творчества Магжана, говорит о влиянии на его талант мировой и русской классики, с которой он обстоятельно познакомился во время учебы в Омском учительском семинарии, высшем литературно-художественном институте в Москве в 1923-27 гг., возглавляемом В. Брюсовым. Среди классиков, которые особенно привлекали Магжана, надо в первую очередь назвать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Андреева, Тургеневы, Короленко, Бальмонта, Блока, Есенина... Поэтическая сокровищница Магжана несомненно обогащалась, когда он переводил Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете, Мамина-Сибиряка.

Как отмечает в своем письме к Ивану Шухову вдова поэта Зулейха Жумабаева: «Магжан детально занимался творчеством Александра Блока, переводил его произведения, посвящал ему свои строки и

был во многих отношениях его последователем. Увлекался, он и творчеством Максима Горького, произведения которого ценил выше всего и в своем переводе впервые на казахском языке издал целую книгу, назвав «Сункар жыры» — «Песня сокола (1924 год, Москва)».

По заданию и под руководством Валерия Брюсова, по свидетельству Зудейхи, Магжан готовил 3-й том казахской, узбекской, туркменской народной литературы. И еще один факт особенно подчеркивает Зудейхи в своем известном письме Ивану Шухову, ставшим своеобразным документом эпохи.

«Когда Магжан Жумабаев был арестован в начале 30-ых годов, — пишет она, — я обратилась с письмом к Горькому, который моего мужа ценил очень высоко. Он живо откликнулся, и, благодаря его вмешательству, муж был освобожден из тюрьмы.

30 декабря 1937 года без предъявления каких-либо обвинений он вторично был арестован, на этот раз уже М. Горького не было в живых...»

Это свидетельство, как и другие, позволяют отметить, что в судьбе Магжана принимали доброе участие многие выдающиеся деятели русской культуры, среди которых был и знаменитый земляк наш, проведший часть своего детства в Пресновке, Григорий Потанин, предсказавший, что Магжан в будущем может стать вторым Чоканом Валихановым (кстати, будущий поэт получал стипендию из «фонда Потанина», предназначенную для казахских детей за выдающиеся успехи в учебе.)

А разве приглашение наркома просвещения А. В. Луначарского приехать в Москву, чтобы преподавать восточные языки в Коммунистическом университете

трудящихся Востока (заметим, что Магжан был высокообразованным человеком с энциклопедическими знаниями, владел многими языками: арабским, персидским, турецким, всеми диалектами тюркских языков, в т. ч. и древнетюркским) — не является подтверждением вышесказанного?

Что же касается судьбы, какая выпала на долю Магжана, трудно найти более трагическую. Талантливый поэт, коего по праву можно считать не просто достойным преемником Абая, но и классиком казахской поэзии, был дважды незаконно репрессирован, подвергнут унижениям и гонениям, лишен права писать. Но на примере его судьбы еще раз убеждаешься, что великий талант не подвержен мраку забвения, что он рано или поздно, в какую бы темницу его ни заключили, подобно яркому солнечному лучу вырвется на волю и озарит все вокруг себя ярким светом. Стихи, которые трудно найти даже в газетных и журнальных подшивках, где все, что связано с именем Магжана, вырезано ножницами или лезвием, на протяжении десятилетий хранились в памяти народной, перелagались на музыку, пользовались неслыханной популярностью в странах Востока. Не случайно имя Магжана Жумабаева знают в Монголии, Китае, Турции.

Всего каких-то несколько лет назад и мы узнали о его судьбе. «А могли бы узнать о Магжане намного раньше. — с горечью восклицает известный североказахстанский поэт, член Союза писателей Казахстана Муталлап Кангожин, — если бы кое-кто из писательского круга не использовал свое влияние, чтобы зачеркнуть славное имя в нашей литературе, конъюнктурно спекулируя на политических взглядах поэта, который никогда ни у какой партии не «ходил в адъютантах».

Чувство соперничества, зависть к таланту, родовые пережитки стали камнями преткновения на пути к полной реабилитации поэта в 60-е годы.

«Я был участником того самого собрания в Казахском государственном университете, — рассказывает Муталап, — обратившегося с просьбой к правительству республики об издании произведений Магжана Жумабаева, о котором я слышал еще в детстве в своем родном ауле и находился под очарованием его прекрасных стихов. Но нашим надеждам суждено было сбыться лишь четверть века спустя, когда, наконец, было снято табу с его творчества. Единственным для меня утешением в те мои студенческие годы стал снимок Магжана Жумабаева, подаренный в редакции знаменитого в те годы журнала «Простор», который, благодаря своему редактору, замечательному писателю, нашему земляку Н. П. Шухову, дал «зеленую улицу» неопубликованным произведениям Андрея Платонова, Марины Цветаевой и в числе первых решил поведать об опальном казахском поэте. Но недоброжелатели Магжана воспрепятствовали этому...» Снимок любимого поэта Муталап бережно хранил много лет. За это время вырос его сын Магжан, названный им в честь яркого мастера поэтического слова.

Сделав достоянием своих земляков хранящуюся столько времени фотографию, М. Кангожин вправе считать, что выполнил творческое завещание писателя Ивана Шухова, которому горячо и искренне благодарен за поистине братское чувство к выдающемуся казахскому поэту, равнодушное отношение к его трагической судьбе. Именно в подобного рода ситуациях познается цена истинного интернационализма и чувство братской дружбы между русским и казахским народами, в углубление духовной связи которой

неоценимый вклад внес достойный продолжатель традиций великого Абая.

Думается, что о неоценимой роли магжановской музыки, ее влиянии на развитие казахской литературы, поэзии Востока еще предстоит большой и необходимый читателям разговор.

А мне же хочется завершить это предисловие словами из стихотворения Магжана «Соловей», которые можно отнести к нему самому:

*«Лишь песней можно тронуть душу
И целый мир заморозить...»*

В. ШЕСТЕРИКОВ.

Задачей данного сборника в соответствии с издательскими возможностями стало собрать воедино переводы произведений выдающегося казахского поэта М. Жумабаева, появившиеся в периодической печати, в газетах и журналах с того момента, когда, подобно птице, вырвалась на волю магжановская муза, и дающие представление о мироощущении поэта в разные годы.

Разумеется, произведения о родном крае, о природе, любви, чести и долге, о месте и назначении человека, представленные здесь, отнюдь не претендуют на раскрытие всей полноты объема, глубины и размаха творчества Магжана, которое, мы надеемся, из года в год будет пополнять сокровищницу нашей литературы.

В сборнике несколько разделов — от первых публикаций о Магжане до библиографического перечня статей и очерков о его жизни и творчестве и, разумеется, самих произведений поэта, появляющихся в печати.

«Есть душа, что свечу в ураган найдет!» — эти поэтические строки из стихотворения Магжана Жумабаева «Ураганная ночь» вполне можно отнести к его музе, которая, словно теплый и негаснущий огонек, согревает наши сердца.

Пу ураганную ночь, которая пришлась на судьбу Магжани, не дай бог испытать никому.

И тем более нам дороги сегодня свидетельства тех, кто или разделил испытания, выпавшие на его долю, как например, верный друг и жена Магжана, другие его близкие родственники, друзья, кто просто знал его, был хотя бы в какой-то мере причастен к делам, творчеству поэта.

Из письма Зулейхи Жумабаевой писателю
Ивану Шухову

«НЕ ПЕРЕСТАНУ БЛАГОДАРИТЬ ВАС...»

Горячее участие по отношению к незаконно репрессированному талантливому поэту проявлял видный советский писатель Иван Шухов. Журнал «Простор» (1989 г., № 3) сделал достойным читателей письмо вдовы поэта, Зулейхи Жумабаевой, адресованное автору «Горькой линии» и «Пресновских страниц», нашему земляку, которое по праву можно считать своеобразным документом времени.

Оно дает представление о недавно ушедшей из жизни верной спутнице поэта, разделившей все тяготы его судьбы, сумевшей сбегать, несмотря на долгие годы испытаний, многие прекрасные творения поэта, а главное, поведать правду о его жизни.

«Многоуважаемый Иван Петрович!

Когда мне сообщили о том, что Вы, как известный казахстанский писатель, проявляете определенный интерес к творчеству Магжана Бекеновича Жумабаева и попросили Х. Х. Махмудова подготовить переводы на русский язык некоторых лирических стихотворений для ознакомления ваших читателей, я не выдержала — заплакала. Плакала, по-видимому, впервые за три десятилетия слезами радости. За добрую инициативу Вас поблагодарят советские люди!

Что касается меня, то уверяю: не перестану благодарить Вас до последних дней своих. В гибели Магжана, конечно, повинны чужие нравы и провалы периода культа личности...

Кроме того, тихо я считаю, что немаловажную роль сыграла черная зависть некоторых его коллег по перу. Ведь Магжан пользовался исключительной популярностью среди народа. «Судьбы свершился приговор», — как любил повторить Магжан слова Лермонтова, любимого поэта. Нам нужно стремиться сделать достоянием народа магжановскую, кристально чистую и звонкую лирику.

Теперь о переводе. Х. Х. Махмудов хорошо знает и высоко ценит творчество Магжана: я надеюсь, он и сможет сделать переводы на русский язык на должном уровне. Известно мне давно: переводить Магжана было трудно, он — великий мастер художественного слова — до такой степени национален и своеобразен (сравните стихи Сергея Есенина), что его переводить могут лишь люди, знающие оба языка в совершенстве. Кроме того, поэтический перевод тоже, очевидно, потребует больших усилий и главное — таланта.

Мой супруг — выдающийся поэт Магжан Жумабаев (1893 — 1937 гг.) является автором общезвестных лирических стихотворений, эпических поэм и переводов произведений классиков русской и мировой литературы. Его произведения, изданные в 1917 — 1937 годах, весьма популярны не только среди казахов, но и среди других тюркоязычных народов.

Его высокохудожественные, пленительные во всех отношениях лирические стихотворения — о весне, о любви, о дружбе, о красоте природы, о прекрасной человеческой жизни, о богатстве духовного мира, о светлом будущем своего народа, о свободе личности и пр. — многие читатели и почитатели его таланта знают наизусть.

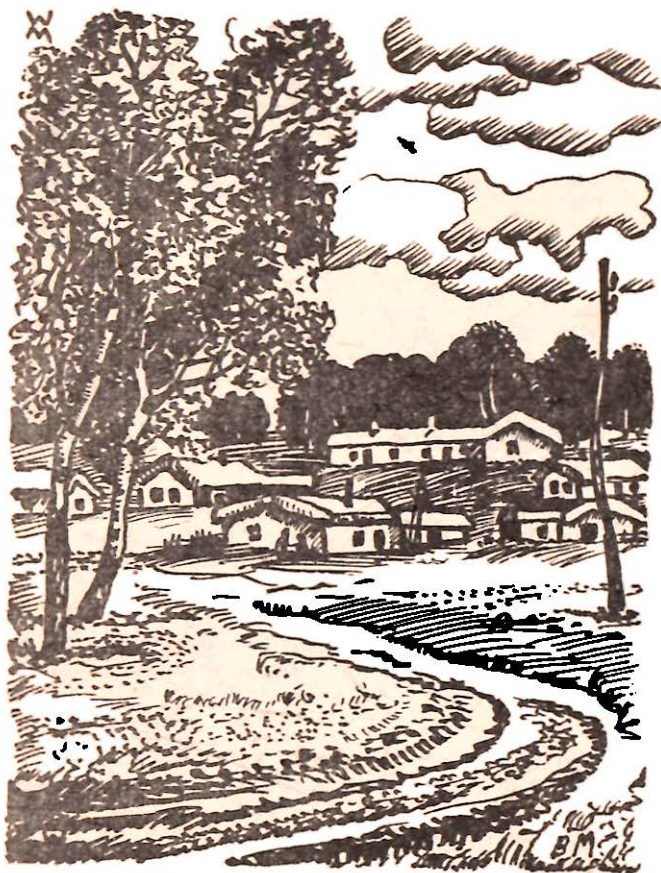
Магжан Жумабаев принадлежит к числу самых образованных казахов: он прошел как медресе «Галия» — «Высшую школу» (г. Уфа), так и Омский учительский семинарий и Московский литературный институт под руководством В. Я. Брюсова, который, кстати, Жумабаева называл казахским Пушкиным. Как сейчас помню: за столом президиума торжественного выпускного вечера — Клара Цеткин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский и другие виднейшие деятели. Председательствовал В. Я. Брюсов. Магжан Жумабаев пленил Валерия Яковлевича Брюсова высокой поэтической одаренностью: «Это от природы. Плюс глубокие знания математики, музыки, изобразительного искусства...».

Все литературные критики и виднейшие писатели как до 1937 года, так и сейчас, правильно считали и считают Магжана Жумабаева самым сильным, самым выдающимся поэтом в истории казахской литературы предсабаевского периода. Его произведения (я уверена в этом) никогда не будут вытеснены из истории казахской литературы. Магжан жил и живет фактически как поэт своего народа, его поэзия ни на секунды не прекращала своей кипучей жизни.

Если мой муж даже заблуждался, то его заблуждения были аналогичными заблуждениям Сергея Есенина и Александра Блока: кстати, творчеством последнего он занимался детально, переводил его произведения, посвящал ему свои строки и был во многих отношениях его последователем. Но он увлекался и творчеством Максима Горького, произведение которого ценит выше всего и в своем переводе впервые на казахском языке издал целую книгу (1924 год, Москва), назвав ее «Сункар жыры» — «Песня Сокола»...

Готовил М. Б. Жумабаев по заданию и руководству В. Я. Брюсова 3 тома казахской, узбекской и туркменской народной литературы. Их тоже надо бы издать.

М. Б. Жумабаев читал лекции по казахской литературе и стилистике казахского языка студентам КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Кстати, среди его студентов были Ильяс Дикасугуров, ныне здравствующий профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой казахской литературы КазГУ Б. К. Кенжебаев.

СТАРЫЙ САРТОМАР. ~

М. Б. Жумабаев готовил к печати конспекты этих лекций, «История казахской литературы», «Стилистика казахского литературного языка» (два тома, которые, естественно, не утратили своей ценности до сих пор).

Когда Магжан Жумабаев был арестован в начале 30-х годов, я обратилась с письмом к Горькому (который моего мужа ценил очень высоко!). Он живо откликнулся и, благодаря его вмешательству, муж был освобожден из тюрьмы. 30 декабря 1937 года без предъявления каких-либо обвинений он вторично был арестован, но на этот раз М. Горького уже не было в живых...

Магжан Жумабаев 8 июля 1960 года решением военного трибунала Туркестанского военного округа был посмертно реабилитирован.

Учитывая вышеназванное, убедительно прошу вашего содействия в разрешении издать избранные произведения моего мужа, что является основной, единственной целью всей моей жизни.

С уважением, Зулейха Жумабаева,
Алма-Ата, 15 октября 1965 года».

Как мы знаем, публикация произведений замечательного художника слова, несмотря на все старания И. П. Шухова, так и не состоялась. Понадобилось еще почти четверть века, чтобы полностью было реабилитировано имя и творчество выдающегося казахского поэта, много сделавшего для развития национальной культуры.

Возвращение поэта

Одной из первых предприняла попытку познакомиться читателя с переводами стихотворений Магжана Жумабаева редакция журнала «Простор». Было это в 1965 году. Попытка не удалась: набор был рассыпан, а переводы с казахского А. Жовтиса, как и вступительная статья профессора Х. Х. Махмудова, активного пропагандиста замечательного поэта Востока, остались в архиве редакции на долгие годы.

И появились они в журнале лишь спустя 23 года, в 1989 году. Ниже приводится публикация в журнале «Простор», активно способствующего возвращению из неволи славного имени поэта еще в 60-ых годах.

Среди мастеров казахской художественной культуры одно из первых мест занимает выдающийся поэт Магжан Жумабаев. Забвение, как и смерть, бывают естественными и насильственными. Магжан погиб в расцвете сил и таланта, в период культа личности. Имя его гражданское имя полностью реабилитировано. Увы, потребовалась еще четверть века, чтобы пришла пора вернуть читателю его поэтическое наследие.

Родился Магжан Жумабаев в июне 1893 года. Он учился в медресе «Галия» (Высшая школа) в гор. Уфе, потом в Омском учительском семинарии, позже окончил Литературно-художественный институт под непосредственным руководством В. Я. Брюсова. Именно В. Я. Брюсову принадлежит характеристика Магжана как «киргизского (казахского) Пушкина». К тому времени он становится одним из самых образованных деятелей культуры Советского Востока.

Писать стихи Магжан начал с 14 лет. Произведения его печатались почти во всех газетах и журналах на казахском и татарском языках. Первый сборник его стихотворений «Шолпан» («Предутренняя звезда») вышел в 1912 году в Казани. В 1922 году в Ташкенте в журнале «Сана» (№№ 3—5) была опубликована поэма «Батыр Байан». Сборник избранных произведений вышел в 1923 г. в Ташкенте с предисловием тогдашнего секретаря ЦК Компартии Туркестана С. Ходжапова. В 1924 году выходит сборник «Сункар жыры» («Сокольные песни» — переводы произведений М. Горького) в Москве. В 1925 году — сборник «Ак бозат» («Белый конь») — переводы произведений Мамин-Сибиряка, «Подарок детям» — в 1926 г., «Жусып хан» — в 1927 г., в том же году — «Сказки». При участии Магжана Жумабаева были составлены и переведены на русский язык образцы казахской, туркменской, узбекской народных литератур, которые, к сожалению, до сих пор не увидели света.

Магжан Жумабаев читал лекции слушателям КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) по истории казахской литературы и стилистике казахского языка. Им переведены некоторые произведения В. И. Ленина на казахский язык. Его перу принадлежат многочисленные переводы произведений Лермонтова, Гете, Гейне, Фета, Байрона и других русских и зарубежных классиков.

Творчество поэта следует рассматривать в органической связи с конкретной исторической действительностью, с тем сложным периодом, когда происходила невиданная ломка жизненного уклада казахского народа, когда наступала эпоха величайших социальных потрясений. Только учет конкретной обстановки может дать ключ к правильному пониманию противоречивого во многих отношениях творчества Магжана Жумабаева.

Все переводное прогрессивное в жизни национальных окраин царской России, этой «тюрьмы народов» (Ленин), было связано так или иначе с национально-освободительным движением. Вот почему Магжан Жумабаев почти во всех произведениях дореволюционного периода взволнованно звал народ к просвещению, к свободе, к раскрепощению женщины. Никто так верно не показал горестное положение беззащитной казашки в дореволюционном ауле («Беззащитная», «Ненщина», «Молодая невестка» и др.), Магжан

Жумабаев всегда оставался на стороне широких народных масс, испытывавших двойной гнет. Особенно гневно звучал голос поэта в период массовой мобилизации казахской бедноты на рытье окопов. Об этом поэт написал цикл стихотворений (1916 г.), в котором наиболее сильным, талантливым мам кажется «Орамал» — «Платок». Девушка вышивает платок для своего любимого, которого отправляют рыть окопы, надев серую шинель и сунув в руки лопату:

«На белый батист ложатся на линии красного шелка,
а жемчужины моих слез».

Это произведение сразу же приобрело широкую популярность, особенно среди молодежи.

Любовь Магжана к родному краю и родному народу — беспредельна. Да, в его произведениях можно услышать и пессимистические нотки, и воспевание старины, почувствовать идеализацию прошлого казахского народа.

Но слишком часто литературные критики смешивают трагическое в его творчестве с пессимистическим, национальное — с националистическим.

Магжану Жумабаеву удалось выразить сложнейшие стороны духовной жизни человека. Его любовь к природе отличается высокой одухотворенностью. Лирический пейзаж в самом высоком смысле этого понятия впервые введен в поэзию советского Востока Магжаном. Примером может служить хотя бы цикл стихотворений «Весной». Красота человеческой души, трагические судьбы людей в условиях феодализма, счастье и несчастье, мечты о прекрасном будущем — таков круг тем молодого поэта. Их не смогли заглушить появившиеся позже мотивы разочарования, одиночества, пессимистические мысли о смерти...

С именем Магжана Жумабаева связано творческое внедрение новых форм (очевидно не без влияния Фета и Блока), совершенно не известных до него. В этом причина всеобъемлющего влияния его контекста на современную поэзию. Больше того, можно с полным основанием утверждать, что стилистическая система Магжана Жумабаева фактически господствует в стилистическом строе современного казахского языка. Влияние Магжана можно сравнить с влиянием лишь Абая, которого он, кстати, считал «великим судьей и вождем акынов». Магжановская поэтическая культура, его высокое мастерство благотворно сказались не только в казахской поэзии, но и в творчестве известных поэтов других тюркоязычных народов (татар, узбеков, башкир).

Поэзия Магжана ни на минуту не прекращала своей жизни. Его стихи живут в народе, как безымянное, коллективное народное творчество. А какое признание может быть истинней и выше?

Заведующий кафедрой русской
филологии КазГУ

Х. Х. Махмудов,

(«Простор», 1969 г., № 4)

70-Казахстанская
С. МУКАМОВА
г. Петропавловск

Уроки на русском языке

Я, как правило, читаю публикации, которые посвящены или связаны с именем великого русского поэта А. С. Пушкина, очень люблю мною.

Поэтому, когда взяла в руки однажды областную газету «Ленинское знамя» и увидела очерк «Его называли казахским Пушкиным», решила внимательно его прочесть.

Мое внимание привлёк снимок, на котором был запечатлен юноша с курчавыми волосами, тонкими чертами лица, которое показало мне очень знакомым. Прочитала публикацию, долго разглядывала фото и уже без всякого сомнения определила: герой очерка и наш учитель русского языка и литературы, который вел уроки в неполной средней школе № 7, носящей имя А. С. Пушкина, — одно и то же лицо. Он преподавал в 6—7-ых классах. Было это в 1936 году, в первом полугодии. Школа находилась в двухэтажном деревянном здании, в котором ныне располагается станция юных техников.

Когда Магжан Бекенович в первый раз вошёл к нам в класс, мы, признаваясь, засомневались, сможет ли он вести на соответствующем уровне уроки русского языка и литературы, но уже после первого занятия все сомнения рассеялись, а после нескольких уроков мы просто полюбили нового учителя, особенно за то, как он вел литературу. Магжан Бекенович так увлеченно и интересно рассказывал, столько много знал, так отлично владел словом, что все ученики, даже самые «вертлявые» мальчишки, слушали его, затаив дыхание.

Когда по расписанию выпадали смежные уроки литературы и русского языка, Магжан Бекенович, как правило, не покидал класса, а меня невозможно было «выгнать». Я ловила каждую свободную минуту, чтобы поговорить с полубившимся всем нам учителем. В то время я не по возрасту многое помнила наизусть. Магжан Бекенович знал об этом и охотно беседовал со мной. Нередко просил прочитать наизусть любимые мной стихи. Помню, как читала «Памятник» А. С. Пушкина, и учитель похвалил меня за хорошее чтение.

Во время наших коротких внеклассных бесед, когда его кружком обступали ребята (как правило, Магжан Бекенович не торопился в учительскую), лицо учителя менялось, теплели грустные глаза, появлялась легкая улыбка, которая всегда располагала к нему его питомцев.

О себе он никогда ничего не говорил, хотя мы нередко просили его рассказать о своей жизни. А вот любовь к литературе успел привить многим, хотя уроки вел недолго. Из школы «исчез» неожиданно, так и не закончив учебного полугодия.

На расспросы, где он, что с ним, директор школы, завуч и преподаватели отвечали коротко: «Отозван в Алма-Ату, как поэт». В том, что Магжан Бекенович — поэт, никто из нас не сомневался, хотя мы и не читали его стихов.

Прошло еще немного времени, и всех нас разбросала судьба по различным дорогам жизни. Не знаю, как кто, а я нередко вспоминала об уроках литературы, которые давал нам Магжан Жумабаев, может быть потому, что сама стала учительницей и старалась ему подражать. Как и у многих людей довоенного поколения, трудная судьба выпала и на мою долю. Закончив семилетку и педкурсы, я поехала работать учительницей в село Шаховское, потом стала заведующей школы в Толмачевке (это недалеко от Асанова), где, кроме русских, жили казахи, украинцы, немцы.

Уже во время войны пошла работать на завод имени Калининна, стала электриком, «на когтях» по столбам лазала, женское ли дело? Но ничего — приспособилась. Одной пришлось растить двух сыновей, один из них трагически погиб.

Одним словом, много было в моей жизни горького, и, как самые светлые мгновения, оставались в памяти уроки Магжана Жумабаева на русском языке. Но о дальнейшей судьбе своего любимого учителя ничего не знала. И вот я прочитала в областной газете о жизни и судьбе прекрасного и мужественного поэта, человека с большой буквы, нашего любимого учителя.

Глубоко символично, что тот, кого называли казахским Пушкиным, преподавал в школе имени Пушкина, расположенной на улице, также носящей имя великого русского поэта.

Т. НЕТЕСОВА, пенсионерка, бывшая учащаяся школы им. Пушкина, в которой преподавал Магжан Жумабаев.

Жажке

Однажды, а было это лет шестьдесят назад, приехал к нам в гости, в аул Сарытомар, мой дядя Магжан. Мы, дети, звали его Жажке. Вместе с женой Зулейхой пошел он на берег озера Сасыккуль. Увязались со взрослыми и ребятами. Нам очень пришлось слушать, как рассказывал дядя о природе, о Родине. Особенно увлекались мы его сказками. Мы, в свою очередь, делились с Жажке своими мыслями, детскими мечтами и были уверены, что он нас выслушает, поймет, посоветует.

В этот раз, на берегу озера, беседа шла неспешно, и вдруг Жажке, преклонив колени, собрал мелкие камешки, поднес их к лицу и сказал:

— Даже камни Родины имеют свой неповторимый аромат. Запомните его навсегда.

И теперь, приезжая в аул, бывая на берегу озера, я вспоминаю слова моего дяди — учителя и наставника. В горле застревает ком, глаза застилают слезы. Немного прожил Магжан Жумабаев, но оставил после себя неоценимое богатство — стихи, статьи, книги.

У моего дедушки Бекена было девять детей — семь сыновей и две дочери. Всем им он сумел дать образование, что по тем вре-

менам было сделать весьма сложно. А трое из сыновей — Бекена получили высшее образование — Магжан, Калпжан и Сабыржан. Мой отец Кахарман тоже считается в роду Бекена очень образованным. Но лишь Магжан достиг таких высот, о которых можно было лишь мечтать. Он имел и восточное, и европейское воспитание, слыл человеком энциклопедических знаний. Однако никогда мы не слышали из его уст ни одного высокомерного слова, ни одним действием он не позволял себе унижать родственников или соседа.

Часто собирались мы часто у нашего родового колодца. Здесь, недалеко от озера Сасыккүль, располагалась наша зимовка. У дедушки Бекена было 35 внуков и внучек. И несмотря на трагическую судьбу родителей (а все сыновья деда подвергались гонениям за то, что они родственники Магжана), мы жили очень дружно, помогали друг другу в большом и малом.

Видно, поэтому, когда я стал взрослым, женился, и у меня родился первенец, то назвал я сына Магжаном. Об этом и сообщила жене дяди, Зулехе. Она дала свое согласие. А когда мальчику исполнилось шесть лет, приехала к нам в гости, чтобы посмотреть на второго Магжана.

В 1973 году Габит Мусрепов, будучи на отдыхе в Боровом, заехал к нам. Долго мы вели разговор о судьбе казахской литературы, его книгах, книгах других писателей и поэтов. Зашла, конечно, речь и о стихах Магжана. Узнав, что мой сын носит имя своего некогда окаянного деда, он подарил ему книгу «Улан се илм» с детственной надписью: «Милому молодому Магжану с искренними пожеланиями. Будь вторым Магжаном, всегда и во всем напоминай деда. Габит Мусрепов».

Не стал мой сын ни писателем, ни поэтом. Но образ деда Магжана помог ему вырасти порядочным человеком, достойно служить Родине в рядах Советской Армии и теперь уже самому воспитывать молодых солдат. Да и другие потомки славного рода Бекена не переменили имени Жумабаевых. Все они выросли хорошими людьми, честными, работающими. И, думаю, немалая в том заслуга моего дяди Магжана Жумабаева.

Г. КАХАРМАНОВ.
п. Боровое
Кокчетавская область.

II. Стихи разных лет

УРАГАННАЯ НОЧЬ.

Богато поэтическое наследие Магжана Жумабаева. Свою первую поэтическую книгу «Шолпан» он выпустил в Казани в 1912 году, спустя всего три года после выхода в свет первого сборника стихов великого Абая в Петербурге.

Вторую Магжан издал в 1922 году в Казани и в 1923 году — в Ташкенте. С тех пор увидели свет многие его лирические стихотворения, читая которые, словно окунаешься в чарующий мир образов, картин, радугой красок, а также крупнейшие эпические и романтические поэмы «Батыр Баян», «Кобыз Койлыбая», «Коркут», «Жусуп-хан» и другие. Жемчужины магжановских творений рассыпаны в газетах и журналах, издававшихся в Ташкенте, Уфе, Казани и других городах страны, где бывал, жил и печатался М. Жумабаев.

Наш долг, как можно скорее вернуть читателям богатейшее наследие замечательного поэта. Отраднo, что издательства республики приступили к выпуску сочинений Магжана Жумабаева. На казахском языке в Алматы выпущен однотомник его произведений, который моментально разошелся среди читателей.

Особенно предстоит много потрудиться, чтобы сделать поэзию славного наследника Абая достоянием русского читателя. «Браться за художественные переводы его творений — дело весьма сложное и ответственное», — справедливо отмечалось в выходящем в г. Акмоле региональном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Нива», рассчитанном на читателей Северного Казахстана.

Тем не менее уже многие поэты в меру своих сил и возможностей стараются донести до читательских сердец голос Магжана, исповедь его души, передать одухотворенный мир его поэзии в стихах, выходящих в разные годы. А главная работа, конечно же, впереди.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Ночь. И — буран свиреп...
Мертвая голая степь.
Заметены пути,
Ни огня впереди.
А я все гоню коня
Через сугробы...
Ветер рычит во мглс,
Жметса, как зверь, к земле.
То подползет ко мне,
То замрет в стороне,
То начнет угрожать,
И опять, и опять
Воет от злобы.

Кто-то хохочет в степи,
Кто-то бормочет — спи...
Ветер свистит в ушах,
То нагоняет страх.
То спасенье сулит,
Шепчет слова молитв,
Плачет, тоскуя.

Нет впереди дорог,
Еле в седле сижу.
Холодно мне... Дрожу...
Еле в седле сижу.
Что это там, в дали,
В снежной густой пыли.
Не разберу я...

Мертвая голая степь,
Ночь. И буран свиреп.
Хоть бы где огонек!
Конь совсем изнемог,
Больше и я не могу,
Здесь, в глубоком снегу,
Верно умру я...

Сасык-Куль, 1914 г.

ВЕСНОЙ

День настал! Тебе ж все спится,
Озорница... Баловница!
Пробудись, ягненок мой,
Сои стряхни, лицо умой! —
Так Заря будила Землю,
А земля лежала, дремля,
В блеске утренних лучей.

Вот тихонько шевельнулась,
Потянулась и проснулась.
Только медлит встать, шутя, —
Непослушное дитя!
И щеки ее касаясь,
Мать склонилась, улыбаясь,
И целует горячей.

И, откинув одеяло,
Степь под солнцем засияла,
И бежит вода, звеня,
И смеется в свете дня,
Рассказать о чем-то хочет —
Как ребенок, все лопочет,
Разливается ручей.

Свежею водой умылась,
Празднично принарядилась.
И красуется Земля,
Радуясь и веселя
Разнотравьем и цветами,
Многоцветными шелками,
Многозвучием речей.

И с нее, своей отрады,
Целый день не сводит взгляда
Солнце — ласковая Мать,
Не устанет обнимать,
Целовать и любоваться —
Им теперь не расставаться
До вечерней темноты!

А у края неба тучи
Шепчут, собираясь в кучи —
Сочтены, мол, наши дни,
Бесприютны мы, одни,
Нас никто не приласкает.
Видишь, слезы проливают
И роют с высоты...

1915 г.

Перевод с казахского
А. Жовтиса.

(«Простор», 1989 г., № 4).

БАБОЧКА

На свече без оглядки
Бьется лета лоскут,
Не считая остатки
Учащенных секунд.

Так медлительно странствие
Над свечою, — но—ах! —
И частичка пространства
Обращается в прах.

Вы, избранники судеб,
Пошадите крыла,
Злата кто не добудет,
Не сходите с ума.

Пусть поспешный бесславен,
Очевидное — плен,
Вместо золота — саван
Ты получишь взамен.

ЖИЗНЬ

Туча к туче, черная, как вакса,
Гром гремит, вселяя страх: молчи!
Небосвод пригнулся и напрягся,
Хлещут воздух молнии-бичи.

Все взлохматил ураган в округе,
Сверху льется черная вода.
Все живое бегает в испуге,
Прячется повсюду кто куда.

Только вдруг из области заочной
Вышел свет, а страх пропал во мне.
Снова солнце озарило почвы,
Временно сокрытые во тьме.

Золотые облака разъяты.
Там, где ветер выд, покой повис.
Нежные степные ароматы.
Пенье птиц связует верх и низ.

Плыли тучи, и дожди стучали.
А теперь иная полоса.
Если мы устали от печали, —
Душу просветляют небеса.

БЕРНИЯЗУ

...погиб в крови,
и успокоилась душа беспокойного.

Жизнь—стель, и в ней поэт—ребенок,
И душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
Жизнь его займет и усыпит.

Старика тоскливые советы
Мне напоминают океан,
В глубине скрывающий предметы,
О которых смутный образ дан.

А на дне Дарьи есть шесть десятков
Белых юрт на золотых шестах,
Шелковые пологи и гладкий
Голос — баю-баю на устах.

Там сомнамбулические орды —
В седлах колыхающийся хор,
Смехом колдовским заводят воды,
Пена — как стада сбегает с гор.

День ли, ночь, — не помню, все
возможно...

Но сошлись здесь вечные враги,
Замерли в молчаньи осторожном,
Став на расстоянии руки.

Жизнь и смерть — два полюса
бескрайних,

Оба повстречались на меже.
И явился им на поле брани
Юный воин с пламенем в душе.

Он увидел зло и в том и в этом,
Две огромных цели свинца.
Только отскочила рикошетом
Пуля и убила молодца.

Два врага свидетелями были,
Как судьба себя нашла сама.
— Одержим, — со смехом, говорили, —
Или вовсе выжил из ума.

Не пугайся мыслей ядовитых,
Ты воспой печаль свою, но так,
Чтобы тайны сами на орбитах
Выплыли к тебе, рассеяв мрак.

Жизнь и смерть в борьбе
непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,
Надо, прежде чем сразиться с ними,
Петь, созвучьем связывая их.

Я жалею о судьбе поспешной,
В мире многое сближало нас.
Ты — поэт блуждающий и грешный,
В будущее шел ты и — погас.

Перевод с казахского
А. ПАРЩИКОВА.

Публикация стихов
Зулейхи Жумабаевой
(«Дружба народов», 1988 г., № 12)

ЛУЧ

Долгою была разлука,
Вот и встретились они
И поведали друг другу,
Как в былые жили дни.

Пережитые печали
Привели под этот кров.
И глаза их засияли,
И все меньше, меньше слов.

Губы в жажде раскрывались,
И тела сплетались их,
И в единый мир сливались,
Что был создан для двоих.

Ветерок ли бился ранний
Взмахом легкого крыла? —
Но от близости дыханий
Их растаяли тела.

Как безжалостная память
Выдаст тайну дней былых,
Так невидимое пламя
Лица пожирало их.

И согреть, и кануть в бездну—
Только бы всегда вдвоем...
Но сверкнуло, словно перстнем,
Солнце яростным лучом.

Сон исчез, что враг в тумане,
Затерялся среди круч,
И она еще в обмане,
В опьяняющем дурмане,
Сожалеет, что все канет,
Что всему виною луч.

А в тюрьме в одной из камер
Рады этому лучу.
По стене скользнул и замер.
И за ним следят глазами,
Словно он сродни ключу.

Перевод Бахытжана
Канәпьянова, лауреата премии
Ленинского комсомола Казахстана.
(«Заря», 1989 г., № 9)

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
В огненном вихре сжигая дотла.
Пусть этот вихрь мое тело корежит,
Испепелит, до золы уничтожит, —
Так, чтоб из глаз моих соль потекла.
Волю мою ты повяжешь тюрьмою —
Я свое горе слезами омою.
Будешь пытаться ты разлукой меня —
Рваться сквозь стены

к возлюбленной стану
Да под недреманным оком охраны
Губы кусать, безысходность кляня.
И вот когда возрастут до предела
Муки души и страдания тела,
Чтобы уж знать — не бывает больней,
Мысль о свободе спасением станет,
Чем недоступней она — тем желанней,
Тем истушеннее песни о ней.

Пусть же окрепнет рожденный
в неволе
Голос мой, полный печали и боли,
Пусть долетит он до Сарыарки
И устремится к единственной цели —
К душам сородичей. Да неужели
Он не пронзит вас, мои земляки!

Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий.
Жги на огне, в три погибели гни!
Если народ разбуду я стихами,
Горе отступит, и жаркое пламя
Высушит слезы, к чему мне они!

И МЕНЯ ТЫ, СМЕРТЬ, УБАЮКАЯ

Изнемог я, иссякли силы.
День промозглый и ветер стылый
Все о чем-то вздохнул твердит.
Лишь одно различил я в той речи:
Где-то там, далеко-далече,
Кто-то умер и в землю зарыт.

Не печалься, уйми волнение —
Смерть несет нам успокоенье.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Ты приди и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

В кружевной листве шелестящей,
На опушку шагнув из чащи,
Засмотрелась березка вдаль.
И откуда могла, откуда
К ней, танцующей, светлокудрой,
Вдруг подкрасться тоска—печаль?
В травы рухнула головою...
Плачет ветер над ней, неживою.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Вместе с ней и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

С гордо реющим стягом пестрым,
С окровавленной саблей острой
Он врагов разил на скаку.
Как копьем, их взглядом пронзал он...
Этот юный джигит немало
Погулял на своем веку.
И лежит, навек успокоен.
Буйным ветром оплакан воин.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

Злым недугом вконец измучен,
Путник шел по пескам зыбучим
И мечтал он в глухой ночи,
Чтоб заря пришла поскорее,
Чтобы спасли его и согрели
Солнца утреннего лучи.
Вот и встал рассвет над барханом,
Только путник лежит — бездыханным.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!

Словно яблоки — щеки девы,
Слаще меда ее напевы,
По плечам — водопад волос,
Смех — рассыпанный жемчуг скатный,
Как бутон — уста ароматны,

Лишь глаза — как озера слез.
Та, что вешней сияла зорькой,
Захлебнулась печалью горькой.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Вместе с ней и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

Вот ребенок, младенец милый,
Ангел чистый и светлокрылый.
Как родник, его смех звенел.
Ягодинка на ветке тонкой.
Чей же глаз на того ребенка
По-недоброму посмотрел?
Мертвым сном он уснул навеки,
Легкий ветер целует веки.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

Под волною жемчужнопенной
Есть аул необыкновенный,
Шестьдесят в том ауле юрт.
По красавице в юрте каждой.
В том ауле они однажды
Свой последний нашли уют.
Словно водоросли их косы.
Все наги, волнистоволосы...
Сердцем пью сладчайшую муку.
С ними вместе меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

Не познавший любовной муки,
К морю юноша тянет руки,
В юрты белые входит он.
И остался в пучине водной,
Обнимая поочередно
Всех зеленоволосых жен.
О погибшей душе тоскуя,
Вздыбил ветер волну морскую.
Сердцем пью сладчайшую муку,
Вместе с ним и меня убаюкай,
Убаюкай, смерть, убаюкай!...

И мое подоспело время
В путь последний уйти со всеми.
Крепко юношу обниму,
Постою над мертвой березой

Повиливаньем зада:
Ну, а мужчины — жизни нет ни в ком,
Как будто в этот город напрямиком
Пришли они из ада.
И не горит огонь в душе у них,
Лишь об еде заботы все, — иных
Желаний нет в обжорах,
Исчадья ада, дети тьмы ночной,
Они не знают радости иной,
Чем жить в вонючих норах.
Для них, слепцов, и небеса пусты.
А нам мигают звезды с высоты,
Луна свой лик не прячет.
Как в городе мечталось о степи!
Лошадку, Сарсембай, поторопи!
Да не жалея ты клячи!!!
Иль сон сморил тебя? Проснись,
встряхнись!
Спой от души. Рванется песня ввысь,
Услышат звезды пенье...
Гони, спеши! Ведь там аул, родня!...
Не то, ей-богу, сердце у меня
Сгорит от нетерпенья!
Когда к груди прижму степной
простор,
Волной озерной утолю свой взор,
Тогда душой воспряну.
В Сарыарке ветра — шелков нежней,
Я их люблю и до скончанья дней
Любить не перестану.
Да не молчи же ты в конце концов!
Ужель не видишь, что земля отцов
Все ближе к нам, все ближе!
Все дальше город... Не гляди туда!
Когда ж аул покажется, когда?
Ну, Сарсембай, ну, милый мой,
гони же!

Омск, 1916 г.

Перевод с казахского
Л. Степановой.

(«Простор», 1992 г. № 1).

АБАЮ

Поэт и ученый,
Себе не имеющий равного.
Твои слова останутся навек.
Мыслитель,
Попиравший рабство,
Простолюдин,
Взлетевший вверх.

Весь мир узнает имя твое звучное,
Хотя при жизни
Твой народ упрямый,
Скорей причитания муллы заучивал,
Чем твои песни в сердце своем
Прятал.

Как долго вызревать признанию,
Признание после смерти ставят.
Лишь после смерти
Рождаются заново,
А потому поэты
Не имеют старости.

От человека остается след —
Умрет сапожник — ремесло останется.
Богач умрет и следа нет,
Поэт умрет — слова родятся в памяти.
Ты будь спокоен,
Спи,
Учитель,

Твоим словам пропасть не суждено.
Осталась молодежь —
Она начитанна,
Твоим словам — ее быть вождем.

Идут неспешно караваны мира,
Прошрое на спинах пронося...
И твой народ без тебя немислим,
Как ты когда-то без него не знал
себя.

Уфа, 1917 г.

ПРОРОК

Устремляя наши очи,
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш
пророк.

.. Мережковский.

В мрак ночной запахнут Запад,
В мрак ночной,
Где нет зари.
Дети ночи,
Мрака заводь,
Птиц ночных щемящий крик.

В мрак ночной запахнут Запад.
Ни звезды,
Ни стебелька.
Дети ночи,
Бог ваш замер,
А другого поискать!

Дети ночи — голос зычный,
Голос мертвенной тоски...
Чтоб пророки не косноязычили —
Им отрезают языки.

Богу крест — надежным стержнем,
Кровь божественной воды.
Поклоняются мертвому телу.
Душу выпустив в единый дых.

Кровь сладка богов распятых,
И мыслителей хрупки лбы.
Свет поярче, чем расправа,
И темнее ночь — вражды.

Чаша полнится краями,
Пресыщает тело яд.
Дети ночи —
Свет кровавый,
Свет вонзенный острия.

Ночь темна, хоть око выколи!

Это что смеются

Иль ревут?

Там — война,

Там крови столько выпало,

Там — на Западе

В ночном краю.

Духи ночи,

Дети ночи,

Из глазниц темнота сочит.

Спотыкаясь,

Падая ночи в ноги,

Толпы слепцов,

Что увидят в ночи?

Ночь мрачна,

Потоки черной крови.

Вереницей слепцы идут.

И от крови черной,

И от скорби

Поднимается серный дух.

Кровь и скорбь душат сына ночи,

Тяжелы его думы в ночи.

Время, еле передвинув ноги,

Гулким эхом окрест кричит.

Рот прикрыт

Как веки плотно.

Рот — слепец,

И глаз — слепец.

Ночи сын,

Он ждет пророка,

Что с Востока

Придет наконец.

Там, где солнце

Однажды разлилось,

Тьму ночную расколов, —

Огнеглазые гуины-аттиллы,
В них моя золотится кровь.
В них черты угловаты и резки.
И глаза до висков узки,
Солнце бьется в каждой их клетке.
Пламя—мать их красоты.
Не скорби,
Слепец,
Не печалься,
Я — сын солнца,
Я иду,
Иду,
Происшедший от солнца,
Я сердце для тебя зарей зажгу!
Ты читай предсмертную молитву,
На Востоке встает рассвет,
Это солнце
В спину окликнет
И лучами заполнит мой след.
Я — пророк,
Я иду,
И грохочут
В перезвоне лучей небеса.
Я — пророк,
И путь мой не кончен,
Если тьмой
Земной
Окутан шар.
Как скорбна земли протяжная песня.
Как ночей протяжных
Темен гнет!
Тьма ползет,
Разрезанная всею —
Это солнце,
Солнце встает.

Написано в 1918 г. в Сибири,
в пору реакции (прим. авт.).

СЫН

А что это за мрачный дом, как склеп,
Куда не подойти, нигде подхода нет?

Скажи мне, отец, почему там решетки
И стены кровавы—ту кровь
не стереть?!

Железо, камень и стальной замок,
Там тишина и ветер, и тот замолк,
Там, видно, кто-то заживо томится?
Огромный он—раз в камне выжить
смог!

ОТЕЦ

Есть в мире юноша. Мечтой его зовут.
Заря, как песнь, слетает с его губ,
И дух наш оживляют его песни,
И крылья вырастают продолженьем
рук.

Зовет мечта, и мы ей не чужды,
И мы с мечтой своей умеем жить,
Ведь лучшее с мечтою создается,
Вот почему мечте мечтатели нужны.

А этот дом — тюрьма-могила,
А этот дом, чтобы мечта погибла,
Видишь, надзиратель ходит сам
не свой?

Мечту не заточить глупцам,
когда бы это ни было.

«Зарю истории держу я в заточении!»—
Кричит глупец—убогим бьется
черепом,

И вот она олять встает, мечта —
Мерлом наших душ и нашей
честности!

В решетках мечется мечта, круша
 решетки.
 О, как кричат глупцы, вздувая свои
 глотки,
 Но в небо поднимается мечта,
 Орлиным оглашая землю клекотом.
 Узнал, сынок, теперь ты про тюрьму,
 Гранитным лбом упершуюся в тьму.
 Как глуп и туп человек на земле,
 Если думал он заточить Мечту!

Перевод с казахского
 Льва Халифа.

ГУЛЬСИМ

Глаза верблюжонка,
 волшебная речь,
 Гультим-ханым,
 жду, как с зарей, с тобой встреч,
 И взор мой, столкнувшись
 со взором твоим
 Разбередил мне всю душу,

Гультим.

Глаза верблюжонка,
 волшебная речь...
 Гультим-ханым, запросто ты можешь сжечь
 Меня поцелуем и смехом своим,
 Что солнце в сравнение с тобою,
 Гультим!

СОЛОВЕЙ

Так выводил свое ты соло,
Так тонко чувства выражал.
Что брал восторг, бросало в холод
И в забытье, в озноб и в жар.

Когда поешь ты, то в сторонку
Слетают, пение свое
Оставив,
 даже жаворонки,
И — замолкает воронье.

Внимая трелям и раскатам,
Способным разогнать тоску,
И непоседы — жеребята
Вдруг замирают на скаку.

Ах, птичка милая, поведать
Спешу тебе в слезах о той,
За кем пошел навек бы следом,
Разлуку выстрадав душой.

Слетай к возлюбленной
 в край дальний
И под окном ей —
 с ветки спой,

Как полон я тоской-печалью,
И прежде, чем лететь домой,
Разбереди моей любовью,
Рулады мастерски верша,
Чтоб дивной трелью околдована,
Зажглась огнем ее душа.

Мне исцеленьем будет лучшим
Твоя лишь песня,

 может быть...

Лишь песней может тронуть душу,
И целый мир заворожить.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Мне, как мать, земля родная
Подарила белый свет,
Словно солнце, озаряя
Годы юношеских лет.

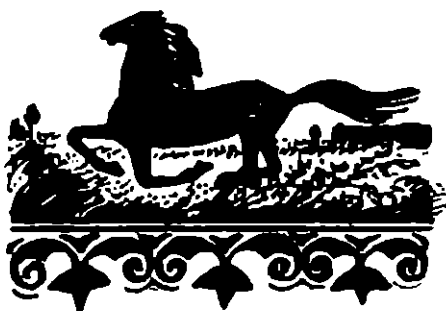
Плоть от плоти, я с тобою...
Ты вместила целый мир,
Без тебя мне свет не мил,
Нет мне места под луною.

Не забыть озер мне тихих,
Где я днями пропадал,
На двухлетке злой и дикой
Эту степь я объезжал.

От меня, как озорница,
Юность спряталась в туман,
Но хотел б я с ней сразиться
В аксуек, в алтыбакан.

Мы судьбе подвластны, — знаю,
Но и в дальней стороне
Будет родина степная,
Как березка, жить во мне.

Перевел с казахского
Владимир Шестерников.

III. Проза поэта

СВЕЧА В УРАГАННОЙ НОЧИ.

Как и многие выдающиеся мастера художественной литературы, Магжан проявил себя не только в поэзии, но и в других жанрах — прозе, публицистике.

На высоком художественном уровне написаны его рассказы и новеллы, не говоря уже о замечательных образцах переводов на казахский язык произведений классиков русской и зарубежной культуры. В Москве им были переведены и изданы «Песня о Буревестнике» М. Горького, «Белый конь» Мамина-Сибиряка, рассказы Всеволода Иванова, написанные о жизни казахов.

Магжан перевел и издал в столичном издательстве «Восток», сделав достоянием своего народа, многие работы В. И. Ленина.

В этом разделе мы предлагаем читателям познакомиться с прозой М. Жумабаева. «В своем рассказе «Грех Шолпан» — говорится в аннотации к рассказу, опубликованному в журнале «Простор» (1992 г., № 12). — Магжан Жумабаев поведал нам историю женщины, которая ради своей любви к мужу изменяет ему и заставляет нас задуматься над вопросами чести, любви, долга, верности. Если Абай устами пушкинской Татьяны впервые дал возможность девушке-казашке говорить о своих переживаниях, то Магжан языком прозы сумел донести до нас самые глубокие психологические переживания, эмоционально пробудить в сердце читателя жалость и сострадание к несчастной Шолпан. Для Магжана нет ничего выше и достойнее любви, и героиня его рассказа своей смертью искупает право на любовь, право на материнство, право самой выбирать путь любящим и нежным сердцем».

Грех Шолпан

РАССКАЗ

ГЛАВА I

В первый год после замужества в разговорах с молодухами Шолпан притворно поддакивала им: «Да, конечно, без детей нет радости в жизни».

Но на самом деле Шолпан, вышедшая замуж по любви, что было редкостью в те годы, совсем не помышляла о ребенке. И нежась одна в постели или в объятиях мужа, она твердила про себя: «Создатель, не обременяй меня материнством».

Не то, чтобы Шолпан не любила детей, вовсе нет. «Пойдут дети, и конец счастливой моей жизни, — думала она, — и любовь наша, такая пылкая и горячая сейчас, остынет, увянет». Много дней и ночей ее единственной просьбой в молитвах было одно: «Господи, не обременяй меня материнством!».

Когда занималась заря и люди, скрестив руки и падая ниц, просили у Бога кто счастье, кто покой, кто богатство, а кто детей, Шолпан, вздыхая, умоляла создателя об одном: «Не посылай мне ребенка!».

Неизвестно, действительно ли создатель внял мольбам неразумной женщины, кто знает, но прошло три года, а Шолпан оставалась бездетной, чему была несказанно рада.

Любовь мужа к ней не остывала, им было хорошо вдвоем, и причину этого Шолпан, конечно, находила в том, что у них нет детей. Да и муж ни разу за три года не заговорил о ребенке; казалось кроме горячих нежных объятий ему ничего не надо. Вся жизнь для него была заключена в Шолпан.

Но душа человеческая потемки: что таилось в глубине души Сарсенбая, какие мысли, желания лежали на дне ее — неизвестно. Во всяком случае для Шолпан не было сомнения, что муж счастлив и доволен их бездетной жизнью. Тем более, что за три года она не слышала от него ни слова упрека. А Шолпан, влюбленная и любящая, слышала только мужа, пересудам же остальных не придавала никакого значения.

Дни проходили за днями, год сменялся годом, а Шолпан все была счастлива и жила только для Сарсенбая.

Но в самой природе, в человеческой жизни, в мыслях не может не быть изменений. Беда может нагрянуть сразу, неожиданно, как неожиданно вдруг наступает осень, в одну ночь заливая поля холодным дождем.

Вот так же неожиданно омрачено было безоблачное счастье Шолпан. Это случилось в один из долгих зимних вечеров. Ее благоверный, напоив и накормив скотину во дворе, ушел посумерничать к своему приятелю Нуржану, женившемуся лет пять назад. У него было трое детей: два сына и дочь.

Сарсенбай засиделся в гостях у Нуржана. И причина была вовсе не в долгой и приятной беседе, а в веселой возне и проказах ребятишек, за которыми с удовольствием наблюдали взрослые. Вначале два сына пробовали петь, картавя и путая слова. Потом, засучив рукава, поплевав на ладони, важно надувшись, схватили друг друга за руки, решив померяться силами, но, одновременно споткнувшись, растянулись на полу. Взрослые подняли ребятишек и, лаская и щекоча, расцеловали их. А старший дед, отец Нуржана, подозвал одного из выгулов и обლობызал его, начиная с пяток. Но больше пленила всех маленькая дочка Нуржана, прodelкам которой не было конца.

Так и просидел Сарсенбай в доме Нуржана, за общим весельем и шумом не заметив, как прошло время.

Шолпан уже легла, когда пришел Сарсенбай, но, дожидаясь его, не могла уснуть. Муж улегся рядом и начал весело рассказывать про детей Нуржана, где-то между словами вставив поговорку: «Дом с детьми базар, без детей мазар». Шолпан вздрогнула. Она вдруг ясно поняла, что все три года напрасно радовалась своей бездетности: поняла, что любовь не может длиться вечно и любовные ласки постепенно остывают. И тогда ее с Сарсенбаем будет связывать только ребенок, плод их любви, знак горячей привязанности друг к другу. Сарсенбай, смеясь, еще долго рассказывал про шалости ребятишек. Шолпан тоже смеялась вместе с ним, но вся трепетала от мыслей, которые черными змеями заползали в душу и жалили ее. Они, эти мысли, как волны седого моря, одна за другой накатывались на нее, оставляя горький след.

Как легкомысленна была Шолпан три года, день за днем отрекавшаяся от ребенка. Одинокая старость замаячила где-то вдали. Старость, хмурая, как осень, с потухшими глазами, обратившимися в серый пепел. Старость, бескрылая, жалкая, без любви и огня.

Разве возможно продолжение жизни, если нет дитя? Если нет у тебя ребенка, как нет в гниющем зерне семени, которое потом прорастает. Кто займет твоё место в этом бренном мире? Ах, нет! Старость еще далеко, да и неизвестно, доживем или нет до нее, а вот как быть, если чувствуешь, что уже сейчас жизнь становится бессмысленной и пустой?

Казавшейся ей вечной великой силы любви, связавшей ее с мужем, хватило только на три года. И она сама чувствует теперь, что ослабевает их страсть. Как была неразумна Шолпан, все три года боявшаяся, что ребенок будет помехой в их супружеском счастье. Теперь она видит, как разрушается сказка, придуманная ею, и она остается одна в этой постылой жизни.

Вот о чем думала Шолпан, вот какие мысли, как волны седого моря, заливали ей душу. Сарсенбай давно уснул. Но не в силах смежнить усталых век Шолпан. Нескончаемо длится ночь, и чем гуще надвигается темнота, тем чернее и безрадостнее мысли бедной женщины.

Едва только занялась заря, Шолпан, приподняв голову, с трудом сдерживая рыдания, еле слышно пробормотала: «О создатель, пошли мне дитя!».

ГЛАВА II

С той памятной ночи Шолпан только и думала о ребенке. Во сне ли, наяву ли твердила она пересохшими губами, выывая к создателю: «Пошли мне дитя!». Но день проходил за днем, месяц за месяцем, а ожидания Шолпан были напрасными. Сколько бессонных ночей провела она, проливая горячие слезы. Жизнь казалась ей безрадостной, серой, сердце ее устало ждать и надеяться.

Шолпан стала вдруг набожной, совершала омовения, читала молитвы. Перед восходом солнца поднималась она и, перебирая четки, склонялась в утреннем намазе.

Но ребенка не было.

Шолпан никому не говорила с причинах своей набожности. Даже самому близкому, Сарсенбаю, не решалась она открыться. Поэтому Сарсенбай, как и все, не мог взять в толк, что происходит с Шолпан. «Ты что, богомолкой хочешь сделаться?» — смеялся он над ней. Постепенно все в округе стали называть ее богомолкой. Смеялись над ней все — от мала до велика. Никто и не пытался узнать тайны такого превращения Шолпан. Но если бы даже и узнали, то не смогли бы понять ее. Невозможно понять до конца душу другого человека, потому что глубока и темна она. Бывает, что во время сильного шторма море выбрасывает на берег то, что лежит на дне его. Но даже самое сильное горе не всегда открывает человека. Нет в мире ничего загадочнее. Развязка может быть только в смерти — к такой мысли пришла однажды Шолпан, перебирая четки, и сама испугалась своего одиночества. Никто из окружающих не мог ей помочь. Она обречена была одна нести свой крест, ни с кем не дели свои горькие слезы, никому не жалуясь на свою судьбу. Чего только не делала Шолпан ради появления ребенка. Выспрашивала у знахарей заговорную молитву, настаивала в воде бумажки с молитвами и пила ее, преодолевая тошноту и стыдливость, стараясь сесть как можно ближе к святому ходже, чтобы его «священная» слюна попала ей в лицо. Сказавшись больной, лечилась она и у баксы. Все было напрасно.

Хотя Шолпан знала, что небо карает ее за то, что она три года подряд так легкомысленно отрекалась от того, что сейчас составляет ее единственное желание, втайне надеялась она, что создатель не может быть столь жестокосердным, види ее мучения и раскаяния. А может быть, а самом деле он так жесток и непреклонен? Ведь изгнал же он Адама из рая за непослушание. Шолпан поняла, что все прочие средства — и приношение жертв, и чтение пятикратного намаза, посты, заговоры — все было напрасным.

Бог не мог или не захотел ей помочь. А жизнь шла вперед, ни на минуту не останавливаясь. Как гигантская машина, не знающая усталости, без остановок и передышек, двигалась она вперед, и под ее колесами оставались чьи-то угасшие надежды, чьи-то разбитые сердца, чьи-то потерянные жизни. Что ей до того? Что ей до бедной Шолпан, до ее кровоточащего сердца, до ее души, сложившей крылья в предсмертном полете? Каждая минута бессмысленно продолжавшейся жизни убивала в Шолпан частицу ее надежды.

Шолпан мучительно искала выхода. С безрассудным отчаянием отрекалась она от своей веры в могущество творца, такого жесто-

кого и немолчаливого. Отказалась и от своей набожности, суеверия, заговоров, молитв, шептаний. Она думала теперь о том, что появление ребенка зависит от мужчины и женщины, и что, может быть, в ней еще не проснулась та женщина, которая должна возбудить страсть в мужчине. Она вишшла себя в излишней холодности, в однообразии любовных ласк. И с этих пор, ложась в постель, предавалась любовным утехам с таким огнем, с такой дрожью в теле, с такой силой обнимала Сарсенбая, что у того трещали ребра. Целуясь, она неступленно вшивалась жаркими губами в его губы, опаяя его лицо огнем своего дыхания. И Сарсенбай, обесилтенный, изнеможенный, бывало, недоумевая, шутит: «Ох, вижу я, на старости лет ты решила погарцевать шноходцем!». От таких слов Сарсенбая тдрзалося сердце бедной женщины, и по лицу жемчужинами скатывались слезы. Ей было горько и обидно, что самый близкий ей человек не понимает, что с ней происходит, не видит, как она мучается. Не чувствует Сарсенбай, что ради ребенка она отказалась от мирских радостей, сделалась набожной, из-за этого получив прозвище богомолки. И как бы желая, чтобы она страдала еще больше, муж стал называть ее «шноходцем». Она скрывала свою обиду, но частенько задумывалась, почему Сарсенбай не заговаривает о ребенке, неужели его не терзает мысли об одинокой старости, о продолжении рода? Внезапная догадка обожгла ее. Неужели он... не может быть... Тогда почему же... да, так оно и есть... — О создатель, причина в нем, в Сарсенбае, в его бесплодии. Значит, все было напрасным: и безутешные слезы, капавшие на молитвенный коврик, и пыльные объятия, и жаркие поцелуи. — все это зря? Мечты о ребенке, ожидание его — все это стало недостижимым. Жизнь представлялась ей теперь высохшим деревом с облетевшими листьями, пошннкими голыми ветвями. А что же их любовь? Их медленно угасающая, остывающая любовь, которая когда-то казалась вечной? Если она умрет, погаснет, тогда жизнь потерлет всякий смысл.

Слов нет, Сарсенбай — сухостой. Она знает об этом, и значит, он страдает вдвойне — от сознания своей вины и от того, что мучаюсь я. Он несчастен, а вместе с ним несчастна я. Что же делать? Кто может нам помочь? Шошнан! Одна ты, Шошнан! Ты должна это сделать ради продолжения рода. Ты должна родить ребенка. Она должна согрешить, грех этот безмерен и велик, но создатель должен простить ее, ведь милостям его нет границ. Бог простит, но простят ли люди?

Укради, но займеш много скота.

Согреши, но роди дитя...

Проклятье тому, кто придумал эту поговорку, проклятье! О создатель, прости меня, если можешь. — Вот каким грешным мыслям предавалась Шошнан на восьмом году своей жизни с Сарсенбаем.

ГЛАВА III

Дул расположился неподалеку от зимовья. Полуденный час. Легкий восток чуть колышет весенние цветы. Мух нет и в помине. Белые облака дешево, чуть подремывая, скользят по небу. Натянув до боли веревки, упрямо взбрыкивают, пытаясь вырваться, своенравные молодые жеребцы. Старые кобылы, стоящие около них, иногда поглаживают своими мордами их спины и хвосты. «Жеребенок мой,

зачем зря сопротивляться, тебе же больно». — поучают они неразумных. Молодая мать, беспокоясь, заходит то с одной, то с другой стороны, как бы спрашивая: «Что с тобой? Что случилось, жеребенок мой?». Старый мерин, недовольно глядя на обеспокоенную мать, прядает ушами, как бы говоря: «Успокойся, ничего не случится».

Стадо еще не вернулось с пастбища. Маленькие ягнята, проголодавшись, жалобно блеют в загоне.

Вот в это самое время, нежась и потягиваясь, как кошка, сидела в тени своей юрты Шолпан. Со стороны могло показаться, что она занята шитьем. Но на самом деле Шолпан не до шитья. Вот уже три месяца одолевает ее греховные мысли. Она решила изменить горячо любимому Сарсенбаю. Сегодня он уезжает с ночевкой в город. Нельзя медлить, надо что-то делать, по кого выбрать? Кто может стать хорошим отцом ее ребенку? Колюх Адамкул? С одной стороны, это безопасно, никто не сможет уличить ее в связи с работником: да и он будет молчать. Но каким будет ребенок, родившийся от Адамкула... От раба родится только раб. Нет, ей нужен достойный джигит, а не пресмыкающийся, вечно заискивающий раб. Нет-нет, только не Адамкул. Кто же тогда? Шойбай?... Нет! Жумагали... Нет! Азимбай... Он сын известных родителей, он молод, здоров, красив. Ему не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Он высок, широкоплеч. Вечно сияющие глаза. Черные усы, только что пробившиеся, наверное, нежны, как шелк. А ведь этот Азимбай вот уже три года крутится возле Шолпан, повторяя слова, услышанные им от взрослых парней: желанни молодых едины, как узор шелка.

Едва только Шолпан, улыбаясь, вспомнила об этом, из-за угла вышел Азимбай и, поздоровавшись, улегся около своей жёнке. Как говорят акыны, тайна сердца не может оставаться невысказанной, ее выдадут лицо и глаза. Бедная женщина не знала, куда деваться от стыда. Она то краснела, то бледнела от мысли, что Азимбай мог догадаться, о чем она думала.

— Ох, жёнке, день-деньской не покладая рук работаешь. Что ты шьешь? — с этими словами Азимбай, делая вид, что рассматривает рубашку, ласково ущипнул Шолпан.

— Прекрати, проказник! Какой-то ты страшный. Сегодня твой дядя уезжает в город. Ты ведь тоже уезжаешь с ним?

— Дядя уезжает в город? Что ж, жёнке, вот уже три года я хожу за тобой, а ты только смеешься. Твое сердце ничем не растопишь, оно безжалостно, как камень.

— Ты снова об этом? Проказник, зачем тебе я? Посмотри, сколько вокруг красивых девушек.

— Не нужны мне эти дурехи. Сердцу не прикажешь.

— Совсем с ума сошел. Разве ровня тебе женщина, вот уже восемь лет делившая постель с мужем.

Говоря эти слова, Шолпан с прищуром, кокетливо посмотрела на Азимбая, как бы испытывая его.

Азимбай, растерявшись от неожиданности, брякнул несуразное:

— Нет. Ты мне нравишься. Господи, разве может состариться некогда не рожавшая женщина?

Спохватившись, он осекся. Почувствовал Азимбай, что задел за живое Шолпан, отдалит ее от себя—и, не найдя нужных слов, погладил ее крутое бедро. Шолпан убрала его руку, и, задумавшись, сказала:

— Может, и правда, что ты меня любишь, но как ты сможешь, согрешив, поглядеть в глаза своему дяде? Ведь даже дети говорят: «Украсть украдем, а что делать с богом?». К тому же ты молод. Язык за зубами не сумеешь держать.

Глаза Шолпан стали глубокими и бездонными. Азимбай, глядя ей в лицо откровенно-бесстыдно, возбужденно заговорил: — Что я, мальчик? Или я враг тебе? Ты еще не знаешь, как я тебя люблю. Сегодня ночью жди меня. Довольно ты помучила меня! — Руки Азимбая жадно, нетерпеливо ощупывали тело Шолпан.

— Ладно, хватит, иди.

— Дай поцелуй!

— Успокойся, вон кто-то идет.

Ночь ласковая, шелковистая. В небе ни облачка. По черному бархату задумчиво, печально плывет луна. Кого она ищет? Может быть, это женщина, разлученная с любимым? Или это мать, разыскивающая свое дитя? Далеко в зарослях камышей квакают лягушки. «Вак-вак-квак!». О чем они говорят? Шолпан слышится свое: душа нужна, любовь нужна, ребенок нужен. На озере плачет, рыдает ввсегда: о творец! Какой же страшный грех должна совершить бедная птица, чтобы вот так всю жизнь убиваться?

Шолпан лежит на деревянной кровати. Перед тем, как лечь, она умылась душистым мылом, достала из сундука новую сорочку. Кого она ждет теперь? Конечно, Азимбая. Она, восемь лет прожившая в любви и согласии с Сарсенбаем, теперь хочет изменить ему. Изменить ему ради ребенка. О создатель, прости меня, прости!

Шаги... Отворилась дверь. Азимбай подходит прямо к постели. Шолпан как будто онемела. Сердце забилося, как птичка в силках, готово выпрыгнуть из груди. Тело заледенело. Азимбай, как гончая, напавшая на след лисы, прерывисто и часто дыша, залез к ней под одеяло. Шолпан, нечаянно взглянув на него, ужаснулась — глаза его налились кровью. Из груди ее чуть не вырвалось: «Уходи!». Азимбай жадно и неистово тискал ее, пробормотав одно слово: «женеше». Шолпан бессильно прошептала: «Проказник, подожди, полежи просто так немного». Она хотела раскрыть свою гайну Азимбаю перед тем как совершиться греху, хотела, чтобы он понял, что толкнуло ее к нему: не прихоть и каприз избалованной бабенки, а тоска по материнству. Но Азимбай ничего не слушал, разгоряченный близостью молодого тела, он желал поскорее слиться с ним воедино. Но вот в изнеможении оттолкнулся, довольный, усталый, и ему не было дела до переживаний Шолпан, по лицу которой беззвучно текли слезы, орошая и без того мокрую подушку.

Далеко за полночь Азимбай коснулся щекой мокрой подушки и изумленно спросил: «Ты чего плачешь? Не зря тебя называют бог-молкой?». Ничего не понял глупый Азимбай. На рассвете, поцеловав Шолпан, прошептал: «Завтра приду пораньше», — он выскользнул из юрты. Шолпан хотела было сказать ему: «Не приходи», да подумала: а вдруг она не забеременеет с первой ночи, и

если этого не произойдет, тогда ей вообще нет прощения. И Шолпан, вытирая слезы, еле слышно проговорила: «Приходи, проканик, приходи».

ГЛАВА IV

Шолпан беременна! Исполнилось ее желание. Теперь грех не может считаться грехом. Когда она почувствовала себя беременной, радости не было предела. Она ожила, шутила и смеялась без умолку. Оставшись наедине с собой, поглаживала живот и целовала ладони, шепча ласковые слова тому животику, что зарождалось в ней.

Безрассудная Шолпан! Почему же теперь, достигнув желаемого, не расстанется она с Азимбаем? Неужели вероломство и коварство сродни сердцу Шолпан? Нет-нет, Шолпан не может быть такой. Тогда что же заставляет ее теперь изменять мужу? Ничего не может отвстить на это Шолпан. Разве поймешь женщину. То она ребенок, беспечно играющий с огнем, то повелевает мужчиной, может вознести его до небес, а если захочет, обратит его в прах; пожелает — он будет счастлив в ее объятиях, а нет — терзаться ему всю жизнь. Женщина может стать рабой мужчины, его тенью может раствориться в нем. Она может зажечь сердце мужчины неутолимимым огнем желаний. Но мужчина всегда должен помнить, что он мужчина, и женщина, особенно если у нее спокойный, тихий характер, может стать его покорной, бессловесной рабой, беспрекословно исполнять его любые прихоти и быть счастливой. Шолпан была именно такой женщиной. Она ошибалась, думая, что может легко порвать с Азимбаем, отдавая ему лишь свое тело. Через три-четыре месяца и душа ее, и помыслы безраздельно принадлежали ему. Она страдала сейчас не меньше, чем в те дни, когда мечтала о ребенке. Завидев Азимбай, она не могла произнести ни слова. Сама не зная почему, Шолпан терпела его грубые ласки, молчала, когда он больно тискал и мял ее упругое тело. А может, дело в том, что он отец ребенка и имеет, как Сарсенбай, ее законный муж, право на нее. Наверное, так оно и есть. Но что же делать со слухами и сплетнями, разгосившимися по аулу? Молод и горяч, безрассудно пылок Азимбай. Не обращая ни на кого внимания, может подкрасться и обнять. Бедная Шолпан! Свекровь сказала ей на днях: «Не пойму, почему Азимбай вечно трется возле твоих дверей?». Шолпан не знала, куда деться от стыда. Да и Сарсенбай стал другим в последнее время, молчит ни о чем не спрашивает, а если и заговорит, то обязательно обругает ее обидными словами, обзовет, а то и камчой заманется. Почему Сарсенбай так жестоко избил ее вчера? Неужели из-за плитки, которую она печаянно разбила? Нет. Он знает обо всем и жистит ей. Но отчего он не упрекнет ее, не спросит открыто? Ведь она могла бы объяснить, что пошла на это ради ребенка. Но нет. Молчит. Их уже не связывает любовь. Невероятная жизнь. Да будь все проклято! Проклят неродившийся ребенок, отравивший жизнь. С каждым днем Сарсенбай все больше отдаляется, становится чужим, и ей было больно сознавать это, она мучительно думала, что делать, и не знала.

Все разрешилось само собой, жизнь, как это часто бывает, распорядилась по-своему.

Последние дни сентября. Аул готовится откочевать на зимовье. Прохладная ночь. Свинцовые хмурые тучи плывут по небу, обгоняя друг друга. Землю посеребрили первые заморозки. Под телегами спят молодые телята, просыпаясь от холода, они жалобно мычат, распольшившие валяные коровы мирно посапывают возле них.

Сарсенбай утром угнал скот в город. В юрте, закутавшись в теплое одеяло, свернулась клубком Шолпан. Рядом с ней, развалившись поперек кровати, разбросив руки, похрапывает Азимбай. Издалека слышался скрип арбы. Шолпан, вздрогнув, проснулась в испуге. Это, наверное, где-нибудь поблизости трется корова — подумала она, еще не проснувшись окончательно. Но нет. Это скрип арбы.

— Азимбай! — затормошила она его. — Азимбай! — Но он, пробормотав что-то невнятное, продолжал храпеть. Тогда Шолпан с силой ущипнула его.

— Ты что, с ума сошла?

— Ой, пропали мы, я слышу скрип арбы, вставай скорее. Уходи, Не дай бог твой дядя приехал.

— Ты что, свихнулась? У него нет крыльев за плечами, чтобы так быстро примчаться.

— Ой-бай, вставай скорее, поднимайся и уходи. Вон, видишь, это он.

Азимбай, соскользнув с кровати, вышел на улицу. Сарсенбай, слезая с телеги, крикнул, заметив его: «Эй, кто это?» Азимбай, не отываясь, кинулся прочь в заросли камыша. Сарсенбай, конечно, узнал его.

Не распрягая лошадь, он вошел в юрту, сорвал с плеч поддевку и плеткой стал стегать Шолпан. Глаза его налились кровью, он был вне себя от ярости. Шолпан не подавала признаков жизни, лежала не шевелясь и не издавая ни звука. Это еще больше разъярило Сарсенбая. — Ах ты, сукина дочь, — и он отбросил в сторону плетку, сорвал одеяло с жены, за руку етащил ее на пол и начал в бешенстве пинать ее погами. Шолпан молчит, закрывает руками то голову, то грудь. Но вот Сарсенбай, остервенев, плнул ее в живот. Шолпан схватила живот руками и простонала: «Дитя...». Одного этого слова Сарсенбаю было достаточно, он взревел как бешеный: — Сукина дочь, я тебя просил о ребенке? Я тебе говорил, чтобы ты, наблюдая, родила мне ребенка? Ты ведь, сука, уже полгода таскаешься со всякими кобелями у меня под носом. Чем так позориться, я тебя лучше убью и успокоюсь. Сдохни, собака, сдохни!

Весь аул давно проснулся от воплей Сарсенбая. Первой, накинув на плечи облезлую дощку, припелась старая мать Сарсенбая. За ней, набросив на дырявую сплешь в заплатках и дырах сорочку мужишину безрукавку, пришла жена дупоглазого соседа. Они с причитанием вошли в юрту:

— Ой-бай, ты же убьешь человека. Сын мой, где твой рассудок?

— Не вмешивайтесь, это не ваше дело. Сказал, что убью эту собаку, и убью!

Они попытались было удержать его, но Сарсенбай, бледный, как смерть, с глазами, налитыми кровью, продолжал пинать безжизненное тело бедной женщины, отшвырнув заступниц.

Соседка, увидев, что они не справятся с Сарсенбаем, вышла на улицу и заголосила: — Ой-бай, поумирали, что ли, все? Скорее сюда! Здесь человека убивают!

Аулчане повыскакивали из своих жилищ, хлябая старыми калошами, кое-как патиуив кишмеки, шли женщины, за ними, кашляя, чихая, громко сплевывая, — тянулись их мужья. Обув сапожки на босу ногу, двигались молодухи, стесняясь и прячась друг за друга. Степно, с важным видом, переваливаясь с боку на бок, шли джигиты, старась придать своим лицам вид озабоченный и суровый. Пришел и мулла Темир, собиравший зекет и запотевавший в одной из юрт.

Сарсенбай уже к тому времени бросил избивать несчастную жертву. Шолпан, вся в крови, в изорванном платье, не подавала признаков жизни. Из носа струилась кровь. Сарсенбай безучастно сидел на кровати, в каком-то оцепенении глядя прямо перед собой. Он сам, казалось, был в глубоком обмороке. Пароду становилось все больше.

— Этот молодец, видно, совсем свихнулся, — сказал один.

— О, боже, по моему, она умерла, — ужаснулся другой.

— Пусть содохнет, потаскуха, — процедил третий.

Все стояли в замешательстве, переглядываясь и перешептываясь. Мулла Темир взял Шолпан за кисть, прощупывая пульс.

— Принесите воды, — сказал он наконец.

Принесли воду, побызгали ей на лицо. Немного погодя Шолпан вдохнула, еле слышно пробормотала «алла».

— Не оскверняй имя аллаха, сукина дочь, — вскрикнул Сарсенбай.

— Сарсенжан, дорогой мой, успокойся. Нет мужчины, который не бил бы свою жену, по...

— Уважаемый, я прошу вас не вмешиваться. Пусть содохнет поскорей, собака!

-- Сарсенжан, вызваю к твоему разуму, убить человека...

-- В таком случае она мне больше не жена. Талак, талак, талак, -- объявляю ей развод.

— Сарсен, гнев — твой враг, разум — друг, успокойся. Не просто расстаться с человеком, прожившим с тобой в мире и согласии столько лет. Заблудшую овцу можно вернуть к праведной жизни. Но шарпату, надо раздеть ее и вылить на нее сорок ведер холодной воды.

Не успел мулла проговорить последние слова, как пять-шесть женщин подхватили под руки Шолпан и выволокли из юрты.

Шолпан пришла в себя в темной пустой юрте. Она была раздета донага, ее поддерживали за руки несколько женщин. Вдруг одна из них подняла большое железное ведро и вылила ледяную обжигающую воду на голову Шолпан. Вздрогнула, но ни звука не произнесла бедняжка. В эту секунду вся жизнь ее, как яркий всполох молнии, промелькнула в сознании. Вот она, в новых шолпах, нарочно, чтобы еще раз послушать их звон, разбирает и слова зап-

расстелет одеяла. Вот она утирает глаза, отпускает ее на гудило... Вот первый присад Сарсенбаян... Первая ночь... Вот вымученные слова святого ходжа, брызгающие слюной... Черные шелковистые усы Ашимбая...

Бабушка, закусив губы, бормоча что-то про себя, опрокинула на Шолпан второе ведро. Губы Шолпан ее слышно прошепестели: «а, а, а!»

«Вздувца, зачем тебе атак!» — прикрикнула на нее одна из сестер.

«Дняго, милая, это дело мавдоси, бог даст тебе силы, — поговорила вторая.

Но Шолпан уже не могла ни думать, ни говорить. Вместе с до- стывшим кровью позаси и последние проблески сознания. Она закрыла глаза.

Третье, четвертое, пятое ведро. Каждый раз, когда на нее обру- шивалась ледяная вода, тело несчастной женщины вздрагивало. Че- рез некоторое время оно уже лежало без всякого движения.

Шолпан очнулась к полудню следующего дня и, с трудом открыв глаза, прошептала: — Где мое дитя? Почему он не придет посмотре- ть? — С этими словами она прижала край одеяла, как будто убавившая весенка. Губы ее прошепести «аю, бай», и она, потеряв сознание, откинулась на подушки.

К вечеру, вместе с утасованным дном, душа Шолпан покинула эту гостиную землю.

Перевела с казахского
Р. КОШЕНОВА.

(ж-л «Простор», 1992 г., № 12).

IV. Кто переведет лучше

В РОДНОМ КРАЮ.

В своем письме к Ивану Шухову Зулейха Жумабаева, вдова поэта, отмечала:

«Переводить Магжана трудно. Он, великий мастер художественного слова, до такой степени национален и своеобразен (сравните стихи Сергея Есенина), что его переводить могут лишь люди, знающие оба языка в совершенстве. Кроме того, поэтический перевод тоже, очевидно, потребует больших усилий и главное — таланта»....

Сказано очень верно. Поэтому в данном разделе и предлагаются вниманию тех, кто занимается переводами, стихи Магжана Жумибаева на казахском языке и рядом — их подстрочный перевод на русский, сделанный А. Кодировым (альманах «Алем», Алма-Ата, 1991 г. вып. I.)

АҚСАҚ ТЕМІР СӨЗІ

Жинап деген не нәрсе?
Алақанның аудары!
Бір ауданда көп тәңірі,
Болудың тіпті жоқ сәні.

Тәңірі көктің тәңірісі,
Күңіренсін, көгін билесін!
Жер тәңірісі Темірмін,
Жеріме тәңірі тимесін!

Көк тәңірісі—Тәңірінің,
Тұқымы жоқ, заты жоқ!
Жер тәңірісі Темірдің,
Тұқымы түрік, заты от!..

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

— Что такое вселенная?
— Она величиной с ладонь!
Не пристало множеству богов
Быть на одной ладони.

Тенгри — бог неба,
Пусть он властно правит своим небом!
Бог земли — я, Тимур,
Пусть Тенгри не трогает моей земли!

У бога неба — Тенгри
Ни рода нет, ни сути.
Бог земли Тимур:
Родом — тюрк, сутью — огонь!..

Ташкент, 1922 г.

КАРАҢҒЫ ДАУЫЛДЫ ТҮН

Қараңғы дауылды түн сары далада.
Патшалық құрған өлім айналада.
Шыраққа қолымдағы от тұттым,
Үмітпен біразырақ деп: «Жана ма?».

Тұрса да қара бұлттар көктен төніп,
Сокса да жел долданып, өршеленіп,
Мың шүкір әлсіз қолда әлсіз шырақ
Жылтырап, жанған боп тұр, қалмай сөніп.

Бұйырса, шырақ сөнбес, ұзақ жанар,
Жарығы болмаса да жап таң қалар.
Сәулелі аспанда алтын-күміс нұрлы
Айбынды Күн мен Айға дәл пара-пар.

Менсінбес жөпшендіні көп маңғаздар,
Тең таппай кекеп, мұқар сансыз паңдар.
Қайырылып қарамасын, «Қап!» демеймін,
Табылар шыраққа көз салар жандар.

ТЕМНАЯ УРАГАННАЯ НОЧЬ

Темная ночь и буря в бескрайней степи,
А вокруг царствует смерть.
Я зажег свечу, что держу в руке,
С одной надеждой: «Будет ли она гореть?»

Даже если нависнут черные тучи,
Ударит ветер, ярься и свирепея,
Тысяча благодарений — в слабых руках
слабая свеча

Светится, горит, не угасает.

Будет судьбе угодно, не погаснет свеча,
долго будет гореть,

И хоть нет в ней света, удивляющего
людей,

Но он равен золотому серебряному сиянию
Величавого Солнца и Луны в светлом небе.

Многие гордецы будут презирать
невзрачную.
Надменные унижат насмешками, не найдя
ее равной себе.
Пусть они даже не оглянутся, я не скажу
«Жаль!».
Найдутся души, что обратят свой взор
к свече.

Уфа, 1910 г.

СҮЙЕМІН

Күлдей күнгірт шашы бар.
Токсан бесте жасы бар.
Көз дегенің — сұп-сұр көр,
Тасбих санап бүгіліп,
Жерге карап үніліп,
Көрсө, ауыр күрсінер.
Менің бір қартанам бар.
Неге екенін білмеймін, —
Сол анамды сүйемін!

Көзінде көктің пұры жоқ,
Аузында жұмақ жыры жоқ,
Жалынсыз, усыз құшағы,
Иірілмейді жыландай,
Сөзі де жоқ құрандай,
Білгені — қазан, ошағы;
Жабайы гапа жарым бар.
Неге екенін білмеймін, —
Сол жарымды сүйемін!

Ұйқы басқан қабағын,
Бастыра киген тымағын,
Жалқаулықты жар көрген,
Жүрген ескі запымен
Алдындағы малымен
Бірге жусап, бірге өрген,
Алаш деген елім бар.
Неге екенін білмеймін, —
Сол елімді сүйемін!

Сағымы сайрап кұрады,
Бораны ұлып тұрады,
Қыс — ақ кебін, жаз — сары,
Орманы жок, шуы жок,
Тауы жок, суы жок.
Сұп-сұр болған тастары.
Сарыарқа деген жерім бар.
Неге скеніш білмеймін, —
Сол аркамды сүйемін!

- ЛЮБЛЮ

Словно пепел, выцветшие волосы,
Девяносто пяти лет,
А глаза — могильный мрак.
Горбась, перебирает четки,
В землю уставившись взглядом,
Завидев меня, тяжело вздыхает, —
Есть у меня старая мать.
Сам не знаю почему,
Эту мать я люблю!
Нет в глазах света небес,
Нет на устах райских песен.

Объятия — без пламени, без яда,
Не извивается, как змея,
Слов нет таких, как слова Корана,
Все, что знает, — казан и очаг, —
Есть у меня диковатая жена.
Сам не знаю почему,
Эту жену я люблю!

Отягощенные сном веки,
Глубоко нахлобучен тымак.
И лень свою супругой почитает.
Живет по старым законам,
Бредет вслед за стадами,
Вместе отдыхает, вместе двигается,
Есть у меня народ Алаш,
Сам не знаю почему,
Этот народ я люблю!

Играют миражи,
Воют бураны,
Зима — белый саван, лето — желтый,
Ни лесов, ни звука,
Ни гор, ни воды,
Только серые-серые камни. —
Есть у меня земля Сары-Арка.
Сам не знаю почему,
Эту землю я люблю!

Омск, 1916 г.

У книжной полки

У. Магжановские ЧТЕНИЯ

ВОЛЫНЫ БЕР.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ЖУМБАБЕВА

Жумабаев М. Беринязу: Жинзы: Стихи. Пер. с каз. А. Парщикова / Ленинская смена. — 1990. — 15 февраля.

Жумабаев М. Весной: Зимняя дорога: Красное знамя: Стихи // Казахстанская правда. — 1989. — 5 октября.

Жумабаев М. Восток: Казахский язык: Слово хромого Тимура: Темная ураганная ночь: Люблю: Погоняй свою лошадку, Сарсембай / Алем: Альманах — Алма-Ата: Жазушы, 1991. — Вып. 1. — с. 57—68.

Жумабаев М. Всему миру... Сон: Настроение: Луч / Пер. с каз. Б. Канапьянова / Заря. — 1989. — № 9 — Сентябрь. — с. 23.

Жумабаев М. Грех Шолпан: Рассказ / Пер. с каз. Р. Кошеновой / Простор. — 1992. — № 11—12. — с. 37—44.

Жумабаев М. Зимняя дорога: Ораза: Стихи / Ленинское знамя. — 1989. — 5 августа.

Жумабаев М. Зимняя дорога: Песня война: Люблю: Стихи // Музы Пришмыя. — 1989. — июнь.

Жумабаев М. Красное знамя: Арбакеш: Женщины: Детство: Стихи // Музы Пришмыя. — 1989. — август—сентябрь. — с. 3.

Жумабаев М. Люблю: Красное знамя: Зимняя дорога: Весной / Пер. с каз. А. Жовтис // Дело №... Летопись горького времени: Повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. — Алма-Ата: Жазушы, 1989. — с. 300—304.

Жумабаев М. Люблю: Красное знамя: Зимняя дорога: Весной: Стихи / Пер. с каз. А. Жовтис // Простор. — 1989 — № 4 — с. 161—163.

Жумабаев М. «Так темна ураганная ночь...». Стихи / Пер. с каз. А. Парщикова. / Дружба народов. — 1988. — № 12 — с. 161—163.

Жумабаев М. Мое желание: И меня ты, смерть, убаюкай: Люблю: Эй, Сарсембай! Темная буревая ночь / Пер. с каз. Л. Степанова / Простор. — 1992. — № 1. — с. 2—6.

Жумабаев М. Темная буревая ночь: Луг: Сон: Повсюду: Стихи / Пер. С. Кузнецова / Простор. — 1991. — № 4. — с. 2—3.

Жумабаев М. Ураганная ночь: Бабочка: Стихи // Ленинское знамя. — 1989. — 1 мая.

ЛИТЕРАТУРА О НЕМ

О творческом наследии Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова / Казахстанская правда. — 1989. — 1 февраля.

Заключение комиссии ЦК Компартии Казахстана по изучению творческого наследия Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова / Казах. правда. — 1989. — 1 февраля.

Жумабаев Магжан Бекенович / Казахская ССР: Кратк. энцикл. — Алма-Ата, 1991. Т. 4 — с. 246—247.

Магжан Жумабаев / Алем: Альманах. — Алма-Ата, 1991. — Вып. 1. — с. 57—58.

Бакенов С. Верность: статья. О каз. поэте Магжане Жумабаеве и его жене / / Дело №... Летопись горького времени: Повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. — Алма-Ата: Жазушы, 1989. — с. 304—314.

Бердибаев Р. Судьба поэта о М. Жумабаеве // Перестройка и художественная культура: сб. статей / Сост. Сапбаев С. К. — Алма-Ата, 1990. — с. 21—25.

Возвращение поэта: Статья о творчестве, судьбе поэта / З. Жумабаева, Х. Махмудов / Дело №... Летопись горького времени: повести, рассказы, статьи, очерки и стихи. — Алма-Ата, 1989. — с. 296—300.

Абдуллин Х. Магжан // Музы Пришимья. — 1989. — август—сентябрь. — с. 2—3.

Алимжанов А. Сомкнув начала и концы: / Основы каз. сов. лит. о творчестве Шакерима Аймаутова, Байтурсынова, Жумабаева / / Дружба народов. — 1990. — № 9 — с. 212—216.

Аскаров Е. Из плена забвения: Магжан Жумабаев / Заря. — 1989. — № 9. — сентябрь. — с. 22.

Бакенов С. Верность о вдове поэта М. Жумабаева Зулейхе Жумабаевой и Магжане Жумабаеве // Простор. — 1989. — № 3. — с. 154—160.

Базарбаев М. «Печать раздумий, скорби и любви» о поэте Магжане Жумабаеве / / Казах. правда. — 1989. — 1 февраля.

Галеев З. Возвращенные имена о видном деятеле культуры, лингвисте и литературоведе Казахстана Магжане Жумабаеве / / Казах. правда. — 1989. — 2 февраля.

Зорина Т. Покаяние: о каз. поэте М. Жумабаеве / / Книжное обозрение. — 1990. — 25 мая / № 21 / — с. 9.

«Есть душа, что свечу в ураган найдет!» о жизни и творчестве каз. поэта М. Жумабаева / / Ленинская смена. — 1990. — 15 февраля.

Жантесеева З. У истоков этнопедагогики: о педагогическом наследии М. Жумабаева // Казахстанская правда. — 1992. — 12 ноября.

Жовтис А. Есть такой поэт! /о М. Жумабаеве/ // Казахстанская правда. — 1989. — 5 октября.

Жумабаева Э. Письмо П. П. Шухову /Письмо вдовы поэта М. Жумабаева/ // Простор. — 1989. № 3. — с. 153—154.

Жумабаева Э. Поэт весны, добра и дружбы /письмо вдовы поэта Магжана Жумабаева Зулейхи Жумабаевой писателю Ивану Шухову/ // Ленинское знамя. — 1989. — 1 мая.

Кахарманов Г. «Батыр Баян» /к юбилею М. Жумабаева будет выпущен фильм «Батыр Баян»/ // Ленинское знамя. — 1992. — 4 августа.

Кудаш С. Письмо о судьбе казахского поэта Магжана Жумабаева первому секретарю ЦК КП Казахской ССР Д. А. Кунаеву // Дружба народов. — 1988. — № 12 — с. 163—168.

К юбилею Магжана Жумабаева // Ленинское знамя. — 1991 — 21 мая.

Магазов К. Кем он был для нас: К 100-летию со дня рождения Магжана Жумабаева // Ленинское знамя. — 1993. — 9 февраля.

Махмудов Х. Возвращение поэта /о поэте Магжане Жумабаеве/ // Простор. — 1989. — № 4 — с. 159—160.

Нетесова Т. Учитель! Именем твоим... /бывшая ученица Магжана Жумабаева вспоминает о нем/ // Ленинское знамя. — 1990 — 29 июня.

Ольхина Л. Поэт домбра стихи Магжана // Ленинское знамя. — 1989. — 9 августа.

Поэзия и судьба Магжана Жумабаева // Музы Пришмья. — 1989. — июнь.

Райш Г. Возвращение Магжана /Беседа с заместителем председателя областного комитета по культуре Р. А. Чулановой // Ленинское знамя. — 1993. — 4 февраля.

Райш Г. Площадь Магжана // Ленинское знамя. — 1990. — 23 мая.

Свеча в ураганной ночи: К 100-летию со дня рождения М. Жумабаева. /Подгот. В. Шестериков // Мир труда. — 1993. — № 8 — 13 февраля.

Слово, устремленное в будущее /о каз. поэте М. Жумабаеве/ // Ленинское знамя. — 1989. — 5 августа.

Шестериков В. Его называли казахским Пушкиным /о поэте Магжане Жумабаеве/ // Ленинское знамя. — 1989. — 25 марта.

Составитель: МАКУШЕВА М. С.

СОДЕРЖАНИЕ

...И целым мир заверюкать	3 стр.
РАЗДЕЛ I. Из плена рабства	
Свеча в ураганной ночи	11 стр.
- Не перестану благодарить вас	12 стр.
Возвращение поэта	15 стр.
Уроки на русском языке	18 стр.
Жакеке	19 стр.
РАЗДЕЛ II. Стихи разных лет.	
Жизненная дорога	23 стр.
Весной	24 стр.
Бабочка	25 стр.
Жизнь	26 стр.
Бершиязу	27 стр.
Всеми миру	29 стр.
Сон	30 стр.
Настроение	30 стр.
Луч	31 стр.
Мое послание	32 стр.
И меня ты, смерть, убавил	33 стр.
Эй, Сарсембан!	35 стр.
Абаю	37 стр.
Пророк	38 стр.
Мечеть и тюрьма	41 стр.
Гульсем	43 стр.
Соловей	44 стр.
Родная земля	45 стр.
РАЗДЕЛ III. Проза поэта	47 стр.
- Грех Шолман - рассказ	49 стр.
РАЗДЕЛ IV. Кто переведет лучше	59 стр.
Слово хромого Тимура	61 стр.
Теплая ураганная ночь	62 стр.
Любовь	64 стр.
РАЗДЕЛ V. Магжановские чтения	67 стр.
Произведения М. Жумабаева	68 стр.
Литература о нем	69 стр.

В подготовке и выпуске сборника приняли участие журналисты областной профсоюзной газеты «Мир труда» Т. Журавская, Л. Морозова, Н. Бектимирова.

ОУНБ Петропавловск

Отпечатано в облтипографии № 6 ПО «Полиграфия». Май 1993 г.
г. Петропавловск. Заказ 1637. Тираж — 2000